

Всегда востребован»

– Нет, у меня не получалось ладить с такими людьми. Ладить с человеком только потому, что он важный чиновник – выше моих сил. Я вообще не общаюсь с людьми по принципу полезности. Прагматичность – это не мое. Наверное, поэтому у меня нет никаких поступательных движений вперед ни по социальной, ни по экономической лестницам.

– У вас была творческая ревность к коллегам?

– Нет, никогда. Если что-то было хорошо написано, то я говорил, что это хорошо. Я никогда не завидую. Мне бывает неприятно, когда человек имеет успех незаслуженно, чему же тут завидовать?

– Вы очень, оказывается, азартный человек. Вы любите скачки, ходите в казино, вас даже приняли почетным членом ассоциации игорного бизнеса. Откуда столько азарта?

– Черт его знает... Я считаю, что человек должен быть азартен во всем. У нас слово «азарт» чаще употребляют в связи с разными играми. А если я пишу рассказ? Для чего я его пишу? Для того, чтобы те, кто будут его читать, рассмеялись. Если я выхожу на сцену и что-то читаю, то жду реакции зала. Азарт определяет желание победить. И это не обязательно связано с деньгами. Конечно, когда вы приходите в казино, то желание выиграть там вполне законно. Не пришли же вы смотреть, как прыгают зайчики и лягушки. Но выигрыш нужен для того, чтобы играть еще, а не для покупки автомобиля.

– Сами во что больше играете?

– Во все. В зависимости от настроения. Иногда на автоматах, на них очень забавно играть. Они ускоряют процесс победы или поражения, не надо ждать и мучиться, пока карты помешают, раздадут, пока дойдет до тебя очередь... Для меня важен момент, который находится в точке между тем, когда я делаю ставку, и моментом результата. Вот этот промежуток страшно интересен. Такой поток адреналина!

– Он как-то помогает в жизни?

– Если он оканчивается выигрышем, то да. Если проиграл, то приходится брать себя в руки, прятать свои эмоции. Я ненавижу, когда люди за столом, проиграв, начинают кричать, материться, впадать в истерику. Некоторые начинают бить автоматы кулаками, разбивают их, потом за это платят деньги. У таких людей ненормальная психика.

– Вашей первой женой была Майя Кристалинская. Когда вы женились, она уже была известной певицей?

– Нет, тогда она была начинающей и очень талантливой певицей. Я и тогда, и потом всегда имел склонность к женщинам, у которых блестящий музыкальный слух. Я познакомился с ней в 1957 году, во время подготовки к фестивалю молодежи и студентов. Она тогда пела в самостоятельном оркестре в ЦДРИ и работала после окончания МАИ в конструкторском бюро у Яко-

Мне кажется, что если ты хочешь искренне высказать свою точку зрения, но не можешь этого сделать, или боишься этого, или думаешь, что не поймут, то лучше помалкивай. Но не надо нести фигу в кармане. Этим ты никого кроме себя не обманешь. Или – приготовься к самому худшему, когда за то, что ты сказал что думаешь, тебя уберут со всех каналов: «Чего это он там несет?!».

– У вас много званий?

– Государственных нет никаких. Я вам скажу, какие премии у меня есть. Это литературная премия «Золотой теленок», габровская премия «Алеко». Еще есть несколько грамот от военных. Я часто выступаю перед солдатами в войсках.

– Бесплатно?

– Конечно. Меня часто приглашают, и я люблю выступать перед солдатами, считаю, что это очень важно. Я ничего не прошу у них, мне сами выступления доставляют удовольствие. Еще у меня есть грамота от чернобыльцев – выступал перед ними буквально через три недели после случившегося. И еще общественная академия безопасности и правопорядка наградила меня орденом Петра Великого. Вот и все мои награды.

– Ваша программа на канале «Культура» – это заработок или ностальгия?

– Это удачное совпадение интересов моих и руководства канала.

На автоматах очень забавно играть. Не надо ждать и мучиться, пока карты помешают, раздадут...

влева обыкновенным сотрудником. Я увидел ее во время репетиции и сразу загорелся, но не только потому, что она была симпатичная. Объяснить это невозможно, но я настолько увлекся, что предложил ей выйти за меня замуж буквально на следующий день. Она согласилась. Вообще-то до того, как мы расписались, виделись всего раза четыре или пять в течение одного месяца. Но так получилось, что только этих побудительных мотивов для того, чтобы отношения переросли в счастливое сосуществование, было недостаточно. Мы расстались. У нас оставались хорошие отношения до последнего дня.

– Многие ваши коллеги по цеху спустя время признались, что в прежние времена держали фигу в кармане, поэтому и было в их текстах и выступлениях по несколько смыслов. А есть ли гарантия, что они и сейчас не держат той же фигуры?

– У нашей интеллигенции – не у всей, конечно, – всегда было одно удивительное качество. С одной стороны, ей хотелось быть любимцами народа и казаться борцами за свободу. С другой, страшно хотелось, чтобы власть глядела их по головке. Это продолжается до сих пор. У меня к этому крайне отрицательное отношение, особенно было неприятно, когда интеллигенция полезла подписывать спущенное сверху коллективное письмо против Ходорковского. Их никто не обязывал это делать, да и человек уже сидит. Они что, забыли, что это уже было в нашей истории: «Я Пастернака не читал, но полностью согласен, что он негодяй, сволочь и позорит наш Советский Союз». Но кому-то так хотелось быть поглаженным по голове!

Особенно было неприятно, когда интеллигенция полезла подписывать спущенное сверху коллективное письмо против Ходорковского. Они что, забыли, что это уже было в нашей истории?

Мне очень приятно делать эту программу, в ней не приходится высказываться через себя – я говорю о тех проблемах, которые волнуют меня и моих гостей. Если говорить о зарплате, то в сравнении с другими каналами она чисто символическая.

– И никакой цензуры?

– Никакой. Только вот если я хочу подарить гостю свою книгу, мне говорят, что это реклама.

– У вас уже был опыт ведения очень популярной в советское время программы «Вокруг сме-

ха» вместе с пародистом Александром Ивановым.

– В сегодняшней программе мы тоже отталкивались первоначально от этой программы, которую сначала вел Александр Иванов, потом мы вели вместе с ним, а впоследствии я доводил ее один. Но потом передача переросла в нечто более широкое – что такое смех, что исчезло с эстрады и что осталось. Главный принцип моей программы: никакого указующего перста. Я никогда не позволю себе сказать, например, что раньше было так хорошо, а сейчас все плохо. Пусть зрители сами выбирают. Я не против «Аншлага» и «Кривого зеркала», они востребованы, они замешаны в шоу-бизнесе. Мне жалко только одного: что нельзя из-за финансов понастоящему конкурировать с ними, чтобы зритель мог выбрать, что ему смотреть.

– В одном из интервью вы сказали: «Проработав три года терапевтом, я сбежал в литературу». Почему «сбежал», а не ушел?

– Я не говорил так. Никуда я не сбежал, просто понял, что больше не могу совмещать медицину и творчество.

– И вас не смущало, что медицина – это гарантированный заработок, а сочинительство ничего не гарантирует?

– Я ушел из медицины вовсе не из-за денежного вопроса. Ушел потому, что не мог жить без лите-

ратурного процесса. Совмещать его со своей работой было невозможно. Понимаете, если врач приходит на работу и все время думает о том, чтобы поскорее закончился прием

больных и тогда будет он занят по отношению к больным. Ссылки на Чехова тут невозможны, потому что он знаменит не как врач, а как великий писатель.

В то время была обязателька: после окончания вуза человек должен был три года отработать по специальности. Когда я все-таки ушел из терапевтов, то в «Медицинской газете» вышел огромный позорящий меня фельетон, где было написано, что я предал медицину и сбежал. Но вот какая интересная вещь – когда человек увольняется с завода и занимается творчеством, то в этом ничего плохого нет.

– Я обещал не спрашивать про дежурный смешной случай. А есть у вас любимая шутка?

– Есть, я сам ее придумал. Жизнь такая штука, что хочешь – не хочешь, а умрешь...

